

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

за него замуж, поразит каждого последователя индуизма, и в наших «зенана» женщины не потеряют рассказов, подобных этому». Вот с чем трудно согласиться! Люди везде люди, такими остаются они и в строгих домах последователей индуизма... Наконец, мы имеем, ведь, и документальные доказательства: разве не индуисты восприняли сборник сказок «Двадцать пять рассказов Вампира?» Разве это не они перевели его с санскритского языка на разные наречия Индии? А посмотрите: в этих очаровательных сказках принцессы не только «встречаются со своими возлюбленными», но и пускают их тайком к себе и проводят с ними ночи.

Нельзя также не пожалеть о том, что Д. Сен в своей главе о миграции бенгальских сказок в Европу слишком отдался восторженному чувству и что патриот победил в нем ученого. Как бы ни интересно, важны и значительны были бенгальские сказки, всетаки нельзя ставить знак равенства между произведениями сказочной литературы Индии вообще и народными сказками Бенгалии, нельзя довольствоваться сопоставлением отдельных случайных мотивов, как бы они ни были поразительно близки.

Затем приходится отметить также, что Динешчандра Сен пользуется для своих исследований материалом, который только отчасти может быть назван народным. Сказки Д. Сена по большей части взяты из разных сочинений, где они являются обработанными бенгальскими писателями и только в редких случаях появляются у него сказки, собранные, записанные в том виде, в каком они рассказываются простым народом или профессиональными сказочниками.

И вместе с тем, несмотря на все эти недостатки, книга Динешчандра Сена все-таки очень интересная книга, которая может научить многому. Она так интересно открывает нам переживания старой Индии в современном Бенгальском обществе, дает так много нового материала для суждения о жизни сказки в разных слоях бенгальского народа и, наконец, сообщает много новых сказочных сюжетов.

Книга снабжена хорошим указателем.

В кратком предисловии своем В. Р. Горлэй отмечает, между прочим, что знакомство европейцев с индийскими сказками, знакомство с детства, может оказать большое содействие для понимания Востока.

Б. В.

— *Henri Rivière.* — *La Céramique dans l'art d'Extrême Orient.* Tome Premier. 1-ère livraison. s. d. F^o.

Китайская керамика вызвала в европейских, познакомившихся с нею с самого начала их проникновения в Китай, большое вос-

хищение, которое всё время усиливалось, вместе с прогрессом Китаеведения. Однако, как очень часто бывает, подобное восхищение усиливалось параллельно падению производящего искусства у самих китайцев, и в настоящее время предметом восхищения — увы! — являются только реликвии.

Вкус к собиранию китайских керамических произведений, как и следовало ожидать, значительно опередил толковое понимание самого искусства, и Европе давно уже были известны великолепные китайские произведения, наполнявшие собой дворды и богатые дома. Затем собирание этих вещей распространилось на музеи; музеи потребовали изучения выставленных вещей; появились альбомы, сопровождавшиеся описаниями экспонатов. Литература китайской керамики, по меньшей мере, не бедна. Ей особенно посчастливилось в конце прошлого века, когда в одной огромной книге¹⁾ была соединена капитальная ученость просвещенного и одаренного тонким вкусом Китаеведа с совершенно изумительной техникой воспроизведения китайских фарфоровых вещей. Книга эта — нечто во всех отношениях изумительное, и всё дальнейшее, сделанное в этой области, как в смысле научном, так и в смысле техническом, перед нею меркнет: она доселе является настольною книгою и Китаеведа, и коллекционера из любителей.

Однако, собирание китайской керамики может идти и далее исключительных по красоте фарфоровых шедевров. Оказывается, и простая глина, в руках древних китайских мастеров, превращалась в создания, пленяющие глаз и вызывающие на пропаганду их красоты. Это с совершенно изумительною силой доказывает великолепный альбом Анри Ривьера. В нем, на отдельных листах исключительной по качеству бумаги воспроизведены древние глиняные китайские вазы, курительницы, блюда, чашки, подсвечники и тому подобные вещи, с таким техническим совершенством, которое, кажется, колеблет авторитет фоллиантов Уолтера-Бьюшэла... Впрочем, рассуждать на эту тему подробнее будут люди, более знакомые с техникою дела, чем пишущий эти строки. Но всё же нельзя не отметить у автора этой книги альбома очень тонкого вкуса, выразившегося в окружении каждого экспоната матерчатым (бархатным) фоном, краски которого создают воспроизведению особую, доселе не виданную, общую гармонию.

¹⁾ Oriental Ceramic Art, illustrated by examples from the collection of W. F. Walters; with 116 plates in colors and over 400 reproductions of black and white. Text and notes by S. W. Bushell... New-York, 1897. 10 томов, in folio.

Автор этот пока не дал никакого предисловия и, вообще, никакого текста, по которому можно было бы проследить ход его идей и дела. Известно пока лишь, что он тоже коллекционер, ибо среди воспроизведенных вещей некоторые помечены его именем. Издание, очевидно, не закончено, и надо надеяться, что всё нужное будет восполнено по его окончании.

Единственным текстом среди ста альбомных репродукций являются сопроводительные к ним — также на особых, отдельных листах *in folio* — указания, дающие измерения, имя коллекционера, сведения о материале и технике данной вещи и ее дату. Последняя дается в виде категорического приговора, наравне с совершенно очевидными прочими признаками вещи, и если она, действительно, правильна, то мы стоим на пороге больших открытий. Однако, пока нет сопроводительных доказательных текстов, дата вещей может быть принята лишь условно, как интуитивная догадка, без научной ценности.

Составитель альбома, очевидно, много потруился над привлечением к общему делу всех любителей китайской и японской керамики, ибо его экспонаты помечены не только Парижем, местом составления альбома, но и Лондоном, Нью-Йорком и т. д. Условия времени и пространства побеждены любовью к вещам и к делу пропаганды этой любви. Остается только удивляться подобной роскоши и проводить за прекрасным зрелищем часы, дни, а может быть, месяцы и года. Если даже никакого больше текста не будет, то и в таком виде вещи говорят сами за себя: простая глина, превратившаяся в художественное произведение, идет к бессмертию.

В. Алексеев

— *Edouard Chavannes*, Membre de l'Institut, Professeur au Collège de France. — *De l'expression des vœux dans l'art populaire chinois. — Avec des illustrations.* — Aux éditions Bossard. Paris. 1922.

Механическое переиздание статьи покойного синолога, помещенной в «*Journal Asiatique*» за 1901 г. (Oct. 1901, pp. 193—233) и являющейся, вместе с трудами также покойного *Grube*¹⁾, наилучшим трудом по китайской символической, очень своевременно и, надо надеяться, возмещает нам близкое переиздание всех его трудов, столь нужных каждому Китаю, как в Европе, так и в Китае. Переиздание этой статьи лишено всякого предисловия, и можно лишь догадываться, что это сделано под давлением музейных деятелей, коллекционеров, историков искусства и им подобных лиц, для которых эта небольшая, но необычайно содержательная статья была совершенно

необходима и в то же время до переиздания недоступна, за малую распространенностью журнала, в котором она была помещена 22 года тому назад.

Переиздание было задумано еще самым покойным синологом, как о том свидетельствует его приписка на стр. 41—43. В ней он дает описание двух народных картин, изображающих самопожертвования к новому году и семье вообще. Очевидно, эта приписка сделана до 1907 года, ибо после этой даты и своей археологической миссии в Китае, покойный Шаванн располагал самостоятельным материалом в этой области, не требующим ссылок на случайного обладателя столь распространенных вещей, ссудившего их автору статьи.

К переизданной статье приложены новые воспроизведения символических благожеланий из парижских музеев (Гимэ, Грандидиэ), со ссылками на страницы текста, сделанными также, очевидно, еще самим автором. Эти репродукции очень существенно дополняют графические заставки текста.

В. А.

— *Le Théâtre Chinois. — Peintures, Sanguines et Croquis d'Alexandre Jacovleff.* Texte de *Tchou-Kia-Kien.* — M. de Brunoff, Editeur. Paris, 1922. 4°, pp. 30 + 20 (planches) + 6 (app.).

Принято думать, — и, между прочим, не без некоторых оснований, — что Китаю и китайскому Европа и европейское противостоят во всех направлениях. Действительно, в течение своей непрерывной и долгой культурной жизни, — притом вечно активной, действующей, а не восприимчивой, — Китай сам ответил на все те вопросы, которые вставали перед многообразными составными частями культурного собирательного, именованного Европой, и, таким образом, его сложный опыт по праву сравним со сложным опытом Европы. Однако, еще правильнее думать, что обособление феномена от сущности, каковым является стремление удалить Китай и китайское на экран перед остающимися во тьме и в нежелании попасть на освещенную полосу зрителями, свойственно лишь эпизодическому зрителю, а истинно человеческое, как всякая сущность, сообщает лишь тому наблюдателю, который уже справился с разграничивающей желтых и белых людей формой, как с иностранным языком, и больше не обращает на «грамматику» внимания.

В области театра столкновения этих двух миров, китайского и общеевропейского, тем сильнее, что театр есть и, повидимому, должен быть сплошной условностью. От этого и происходит наша невосприимчивость к китайскому театру, производящему, обыкновенно, только странное и неприят-

¹⁾ Zur Pekinger Volkskunde. Berlin 1901.